

Библиотека Анархизма  
Антикопирайт



# Индивидуализм и социализм

Денис Хромый

12 января 2023 г.

*«Нет свободного общества, пока не свободен индивид!»  
П.А. Кропоткин*

В неблагоприятные времена, в которых сегодня существует значительное количество людей, множество благородного откровенно дискредитировано, недопонято и очернено. Такие учения, как социализм и индивидуализм, подверглись гнуснейшей клевете. Эта клевета часто распространяется, как бы это ни было иронично, в буржуазно-либеральном и правом дискурсах. Именно этот дискурс оболгал такие философско-политические мировоззрения, как индивидуализм и социализм, назвав первое «абсолютным и бесчеловечным эгоцентризмом», а второе «тотально поглощающим и порабащающим диким коллективизмом», что, безусловно, невероятно далеко от правды.

Однако, как верно отмечал Хосе Ортега-и-Гассет [1], одна из задач инакомыслящего человека – это разбивать ложные общепринятые мнения – доксы. Именно в этом

Денис Хромый  
Индивидуализм и социализм  
12 января 2023 г.

<https://vestnikburi.com/individualizm-i-soczializm/>

**[ru.anarchistlibraries.net](http://ru.anarchistlibraries.net)**

заключается задача данного эссе: кратко изложить базовые точки совпадения таких идей, как «индивидуализм и социализм», продемонстрировав их внутреннее единство и неразрывную взаимодополняемость. Прояснение идейно-духовной связи между социализмом и индивидуализмом опрокинет не только сумасбродные выдумки о социализме, но и нелепые искажения индивидуализма буржуазными псевдоиндивидуалистами а-ля Айн Рэнд. Связь между индивидуализмом и социализмом яснее и теснее на самом деле, чем это кажется многим людям, чьи головы забиты отупляющей пропагандой и невежеством.

Итак, начнём. Что такое социализм в его истинном понимании? Социализм происходит от латинского слова «socialis» – «общественный». То есть, социализм – это про общество. Но когда общество становится обществом? Современная буржуазно-этатистская наука, обслуживая господствующий порядок неравенства, привилегий и эксплуатации, извратила понимание общества, отождествив общество и государство, где первый – обязательный и подчинённый атрибут второго (хотя нас часто пытаются убедить в обратном). В современной понимании общество – это совокупность людей, опосредующих свою деятельность с помощью социальных институтов. Однако социальные институты эти не общественные, а государственные, то есть государство сегодня – тот иерархический аппарат господства одного класса над другим, который обладает монополией на насилие и управление социальной жизнью (и вся та автономия, которой обладают общественные организации, лишь иллюзия, поскольку её рамки тоже определяются государством).

Однако у нас, либертарных социалистов, более почтительное и революционное понимание общества. Общество – это не игрушка в руках правящего класса, не отчуждённый материал, из которого государство лепит всё что

хочет, не «слуга» государства, не то, что поглощено государством; общество является действительно обществом, когда оно не поработано некой превосходящей его силой, когда некая гетерономия не довлеет над ним и не определяет его жизнь (то есть не решает сверху вместо него как ему – обществу – организовывать свою жизнь). Настоящее общество автономно и самостоятельно определяет модус – способы, характер и принципы, на основе которых оно осуществляет своё бытие в разнородных сферах своей общественной жизни. Следовательно, общество – это собрание людей, которые основывают свою общественную (экономическую, культурную, политическую) жизнь на принципе автономии, являясь тем самым «автономным обществом». Автономия общества воплощается в таких конкретных формах, как широкая практика самоуправления людей, которая обеспечивает минимизацию отчуждения этих людей от определения своей судьбы в аспекте широкого социального взаимодействия между различными сообществами. Эту автономию обеспечивает последовательное и принципиальное воплощение таких идей, как народные собрания (прямая демократия), выстраивание общественного взаимодействия по федеративному принципу «снизу вверх», практика мгновенного отзыва делегатов, представляющих мнение общества в советах, прямое действие, добровольность ассоциаций, солидарность, взаимопомощь членов различных сообществ друг другу, стремление к взаимопониманию, уважение выбора и свободы других и права каждого на самооборону от покушений на его свободу и достоинство. Самоуправление – это такое состояние общества, при котором степень его автономности, то есть неотчуждённости в плане принятия решений относительно обустройства жизни в своей среде, является наиболее максимальной при любых формах организации. Эта автономия уничтожается, когда обще-

ственное бытие начинают определять не сами люди через низовую самоорганизацию, а вышестоящий насильственный аппарат, иерархически навязывая свою волю сверху и репрессировав каждого, кто не станет повиноваться его диктатуре (которая может быть как brutальной, так и увещательной). Автономия общества умирает под длительным гнѐтом иерархической организации, поскольку автономия – это про способность людей самостоятельно определять свою судьбу. Но это умение атрофируется и отмирает, когда в большинстве случаев решения принимаются вместо людей, а они служат лишь пассивными марионетками, исполняющими чужую волю. Отчуждение, существующее из-за государства – этого иерархического «проклятия для личности», как писал Ибсен [2], убивает инициативность общества, делает его пассивным, безвольным и сервильным «слугой», обслуживающим своим трудом правящий класс бюрократии, где этот труд обеспечивает правящему классу бюрократии не только выживание, но и господство над теми, кто его кормит. Верно писал Штирнер: «Государство покоится на *рабстве труда*. Когда *труд* делается свободным, государство будет сокрушено» [3]. Стоит труду общества стать свободным, то есть неотчуждаемым и распределяем по собственным нуждам и соображениям трудящихся, то класс эксплуататоров падѐт, а господство – вместе с ним. И сюда входит не только труд в производстве, но и творческий труд по культурному развитию общества: школы, театры, детские сады, университеты и так далее. Везде, где люди создают добровольно и без внешнего гнѐта, труд становится свободным, а потому сковывающая глупость бюрократических господ уничтожается.

Таким образом, государство и общество – это две борющиеся за своё существование противоположности. Чем сильнее государство, тем слабее общество. Чем сильнее общество, тем слабее государство. Таковы две основные

профессором энтомологии Е.С. Смирновым (1949–1952). С. 125.

13. Макс Штирнер, там же, с. 244.

14. Манюэль Девальд, там же.

15. Манифест парижской группы «Reveil De L'Esclave». «Чего хотят индивидуалисты». URL: [https://teletype.in/@editorial\\_egalite/chego\\_hotyat\\_individualisti](https://teletype.in/@editorial_egalite/chego_hotyat_individualisti).

16. П.А. Кропоткин. «Коммунизм и анархия», глава 4-я «Ведет ли коммунизм к умалению личности?». Опубликовано в сборнике «Современная наука и анархия».

17. Оскар Уайльд. «Душа человека при социализме». URL: <https://ru.theanarchistlibrary.org/library/oskar-uajld-dusha-cheloveka-pri-socializme>

18. Жерар де Лаказ-Дютье: «Истинные революционеры». URL: [https://teletype.in/@editorial\\_egalite/istinnie\\_revolutioneri](https://teletype.in/@editorial_egalite/istinnie_revolutioneri)

19. Макс Штирнер, там же, с. 182.

20. Бакунин Михаил Александрович. «Избранные философские сочинения и письма». Издательство «Мысль», 1987. С. 501-502.

21. Пьер Шардо. «Экспансивный индивидуализм». URL: [https://teletype.in/@editorial\\_egalite/faZc-S8Hllg](https://teletype.in/@editorial_egalite/faZc-S8Hllg)

стихии. Полное торжество общественной стихии порождает самоуправляемое общество, то есть то, что Пьер-Жозеф Прудон называл «анархией» [4], а Корнелиус Касториadis – «автономным обществом» [5]. Тотальный триумф государственной стихии порождает фашизм, воплощающийся в самой жестокой и отчуждённой форме политики – государственном патернализме.

Следовательно, социализм – это про «управление обществом самим собой». Таково изначальное и истинное значение социализма, появившееся ещё до марксистов или анархистов. Как писал грузинский анархист Варлаам Черкезов: «Мы видели, что по мнению Р. Оуэна и Фурье государство в будущем обществе должно уступить место свободной федерации автономных коммун. Сен-Симон и его школа тоже мечтали о солидарном человечестве о [на] “земном шаре, возделываемом федерированными ассоциациями”. По исчезновению государства, общество само должно будет устраивать материальную, умственную и нравственную жизнь. Отсюда название “социалистическое”, данное будущей организации: под этим словом подразумевался общественный порядок, устроенный самим обществом и для общества. Кто говорит социализм, отрицает в действительности Государство и Власть» [6]. Такое понимание социализма, особенно развитое дальше анархистами, которые отбросили надежды «первых социалистов» на введение социализма «сверху» государством, резко отделяет социализм от другой идеологии – этатизма, который провозглашает примат государственной стихии над общественной, где государство поглощает общество, ликвидируя его как общество и превращая личностей, составляющих общество, в отчуждённых, раблепных, атомизированных и пассивных индивидов, безропотно пови顺ующихся государственному правлению. Это мы наблюда-

даем при фашистских режимах, как, например, в Италии при Муссолини.

Упрёк социализма в коллективизме является откровенно несправедливым. Коллективизм, зачастую, это персоналистская диктатура, что пронизательно отмечал анархист, писавший под псевдонимом «Морфеус»: «То, как организована группа, оказывает большое влияние на людей, поскольку любая иерархическая организация всегда склонна к нивелированию их индивидуальности. В иерархических организациях личности подчинены и должны подчиняться тем, кто находится на вершине иерархии. Такие отношения разрушают индивидуальность людей, состоящих в подобной организации: вместо того, чтобы самостоятельно думать и действовать, они со временем превращаются в автоматы, покорно повинующиеся своим руководителям. Такая практика приводит к коллективистским результатам, когда индивидуальность нивелируется. По сути, капитализм – это очень коллективистская система, которая превращает большинство населения в рабочих-автоматов, которые повинуются своим богатым хозяевам. Индивидуальность в таких условиях редуцируется к выбору между пепси и кока-колой. Важно также отметить, что в рамках данного эссе термин “коллективизм” отсылает к идее, что интересы личности должны быть подчинены интересам группы (этот термин может иметь другие значения в зависимости от контекста). Наиболее очевидная проблема этой идеи заключается в том, что группы состоят из отдельных личностей, а потому ставить этих личностей выше самих себя по иерархии является абсурдным и самопротиворечивым. Вы не можете подчинить их к себе – это равнозначно тому, чтобы не подчинить их вовсе. В действительности эта идея подразумевает на практике ситуацию, когда большинство личностей в какой-то группе подчиняется другим в рамках той же группы. В таком

5. «Что можно сказать, здесь и сейчас, об институтах нового, автономного общества? Во всяком случае, вот что: они воплощают автономию, а именно самостоятельное руководство, коллективную самоорганизацию, коллективное самоуправление во всех сферах публичной жизни. Это также означает, что эти институты не будут установлены раз и навсегда, они не окажутся отстранёнными от устанавливающей деятельности общества. Вот почему, на мой взгляд, центральной – а в предельном случае даже единственной – политической проблемой является *явственное (explicite), сознательное* самоустановление общества. Её решение также предполагает как *новые институты*, так и *новый тип отношений* между обществом и его институтами» (Корнелиус Касториadis, «Чего не могут политические партии [интервью]». URL: <http://left.by/archives/9950>).

6. Черкезов Варлаам Николаевич. «Предтечи Интернационала: Доктрины марксизма». Изд. 2-е, доп. – М.: КомКнига, 2010. – 208 с. С. 58.

7. Морфеус. «Социальный индивидуализм». URL: [https://teletype.in/@editorial\\_egalite/social\\_individualism](https://teletype.in/@editorial_egalite/social_individualism)

8. Иван Франко. «Програма галицьких соціалістів». Цитируется из «Зібрання творів у п'ятидесяти томах. Наукові праці. Томи 44-47», ст. 451.

9. Манюэль Девальд. «Размышления об индивидуализме». Из главы «Либертарный индивидуализм и авторитарный индивидуализм». URL: [https://teletype.in/@editorial\\_egalite/-d5-fOxvjwV](https://teletype.in/@editorial_egalite/-d5-fOxvjwV).

10. Морфеус, там же.

11. Ан Ринер. «Небольшое пособие по индивидуализму». Приводится из сборника «Человек после общества. Антология французского анархо-индивидуализма начала XX века». Изд. «Эгалите», Саратов, 2022. С. 19.

12. Рудольф Штайнер. «Философия свободы». В переводе, проработке и самостоятельном изложении книги

свободой выборов, свободой обложения налогами и пр. Но для кого хорошо? Для гражданина, а не для индивида. А для индивида вовсе нет разумной необходимости быть гражданином. Напротив. Государство – проклятие для индивида. Чем куплена государственная мощь Пруссии? Поглощением индивида, претворением его в политическое и географическое понятие. Кельнер – наилучший солдат. Взять, с другой стороны, иудейский народ, аристократов человечества. Благодаря чему он сохранил свою индивидуальность, свою поэзию, вопреки всякому насилию? Благодаря тому, что ему не приходилось возиться с государственностью. Оставайся он в Палестине, он давно бы погиб под тяжестью своего государственного строя, как и все другие народы. Долой государство! Вот революция, в которой я готов принять участие. Подрывайте самое понятие “государство”, ставьте условиями общественности лишь добрую волю и духовное единение – это и будет началом достижения той единой свободы, которая чего-нибудь стоит. Перемена форм правления не что иное, как игра в бирюльки, – немножко лучше, немножко хуже, а все в общем ни к чему. Да, дорогой друг, все дело только в том, чтобы не дать запугать себя почтенными установлениями. Государство имело свое начало и, следовательно, будет иметь свой конец во времени» (Генрик Ибсен. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 4. Государственное издательство «Искусство», г. Москва, 1958 г. С. 693-694, из письма к Георгу Брандесу).

3. Макс Штирнер. «Единственный и собственность». Харьков: Основа, 1994. С. 109.

4. «Как разновидность свободного режима, я указал анархию. Она же самоуправление» (Pierre-Joseph Proudhon. «Du Principe fédératif», p. 29. URL: [https://fr.wikisource.org/wiki/Proudhon\\_-\\_Du\\_Principe\\_f%C3%A9d%C3%A9ratif/Texte\\_entier](https://fr.wikisource.org/wiki/Proudhon_-_Du_Principe_f%C3%A9d%C3%A9ratif/Texte_entier)).

случае создаётся иерархия, где одни люди контролируют других. “Интересы группы” (часто называемые “общим благом”, “общегосударственными интересами” или другими эвфемизмами) на самом деле являются интересами тех, кто находится на вершине иерархии. Коллективистская идеология стремится легитимизировать иерархию и укрепить власть тех, кто находится на её вершине посредством требований того, чтобы те, кто находится на нижних ступенях иерархической лестницы, подчинили себя “общему благу”, за которым скрывается благо тех, кто наверху иерархии. Интересы элиты ложно приравниваются к интересам каждого человека в группе. Общее оправдание этой идеи заключается в утверждении о том, что личности и группы нуждаются в координации, что, безусловно, является правдой, однако это ещё не значит, что им необходима для этого иерархия или любой другой вид централизации. Личности и группы вполне способны на то, чтобы координировать свои действия без иерархии, опираясь на добровольную кооперацию. Коллективизм на самом деле приводит к странной форме индивидуализма, культу личности и поклонению лидеру. И это неудивительно, поскольку все люди в группе вынуждены подавлять свою собственную индивидуальность, чтобы делать “то, что лучше для всей группы” (что, в свою очередь, означает “лучше для всех тех, кто находится наверху”). Лишь вышестоящие по иерархии, следовательно, являются тем, кто обладает индивидуальностью, позволяющей им принимать решения. Такая ситуация отчасти способствует появлению поклонения конкретным лидерам» [7]. Коллективизм, таким образом, на самом деле является диктатурой отдельных лиц над другими личностями, которые пытаются оправдать свою диктатуру «общим благом», осуществляя угнетение ради собственных узких целей и «идя по головам» других. Существование угнетения человека человеком (или группой

людей), позволяющего утверждать господство человека над человеком, является социальной предпосылкой зарождения иерархических отношений, которые, в свою очередь, ведут к воссозданию государства и, следовательно, порабощению общественного начала. Это, как мы выше отметили, противоречит истинному понятию социализма. Кроме того, это противоречит фундаментальному стремлению социализма, ведь, как писал украинский социалист Иван Франко: «Социализм стремится к ликвидации всякого господства над людьми, всякой власти человека над человеком» [8]. Следовательно, коллективизм, или, как его точнее назвал анархо-индивидуалист Манюэль Девальд, «буржуазный или авторитарный индивидуализм» [9], порождающий угнетение человека человеком, противоречит фундаментальной предпосылке социализма: упразднение господства человека над человеком и достижение равных социальных условий ради развития своеобразия каждого человека через созидательный труд. Таким образом, упрёк социализма в «коллективизме» – глупость, которую распространяют либералы, но поскольку сегодня «либерализм» и «глупость» – синонимы, то чего удивляться.

Что касается индивидуализма, то здесь мы можем видеть существенное совпадение между индивидуализмом и социализмом в аксиологическом плане. Больше того, индивидуализм – это предпосылка самого социализма; социализм зиждется и возможен благодаря индивидуализму.

Личность всё же первичнее общества. Общество – это собрание личностей. Безусловно, вышеупомянутый Морфеус возразит нам: «Однако это неправда, поскольку существуют не только личности сами по себе, но и разного рода отношения и взаимодействия между ними» [10]. Слова Морфеуса верны, однако даже характер взаимодействий

Оба эти концепции – индивидуализм и социализм – были синтезированы и нашли своё ярчайшее гармоничное выражение в философско-политическом учении под названием «анархизм».

#### **Ссылки и примечания:**

1. «Когда мы пытаемся опровергнуть какое-нибудь весьма фундаментальное представление, на наш взгляд весьма ошибочное, наши слова неизбежно несут известную долю парадоксальной дерзости. Как знать, как знать, не был ли интеллигент, вопреки своей воле и желанию, назначен неумолимым предначертанием служить в этом мире адвокатом парадокса! ... Не представляется ли более вероятным, что интеллигент существует для того, чтобы противоречить общественному мнению, “доксе”, раскрывая, поддерживая перед лицом общих мест правильное мнение, “парадокс”?» (Хосе Ортега-и-Гассет. «Блеск и нищета перевода». URL: <https://culturolog.ru/content/view/2972/8/>)

2. «Что же до свободы, то, я полагаю, спор идет у нас только о словах. Я никогда не соглашусь, что свобода и политическая свобода – понятия однозначные. То, что Вы называете свободой, я зову вольностями; и то, что я зову борьбой за свободу, есть не что иное, как постоянное живое усвоение идеи свободы. Всякое иное обладание свободой, исключаящее постоянное стремление к ней, мертво и бездушно. Ведь самое понятие “свобода” тем само по себе и отличается, что все расширяется по мере того, как мы стараемся усвоить его себе. Поэтому, если кто-нибудь во время борьбы за свободу остановится и скажет: вот я обрел ее, тот этим докажет как раз то, что утратил ее. Но вот такой-то мертвый застой, такое пребывание на одном известном достигнутом пункте свободы и составляет характерную черту нашего общества, оформленного в государства, и это-то я не считаю за благо. Конечно, хорошо обладать



свободным лишь благодаря свободе других, так что, чем больше количество свободных людей, окружающих меня, чем глубже и шире их свобода, тем распространеннее, глубже и шире становится моя свобода. Напротив, рабство людей ставит препятствие моей свободе, или, что сводится к тому же, именно их животность и является отрицанием моей человечности, ибо – повторяю еще раз – я могу назвать себя истинно свободным лишь тогда, когда моя свобода, или, что то же, мое человеческое достоинство, мое человеческое право, заключающееся в том, чтобы не повиноваться никакому другому человеку и руководствоваться в моих действиях лишь моими собственными убеждениями, лишь когда эта моя свобода, отраженная равно свободным сознанием всех людей, возвращается ко мне, подтвержденная согласием всех. Моя личная свобода, подтвержденная таким образом свободой всех, становится беспредельной» [20]. Также о том, что индивидуализм без «экспансии» своих ценностей и из-за сосредоточивания исключительно на «духовно-созерцательной» деятельности загниёт и станет безвольным, немощным и бессильным, пронизательно писал анархо-индивидуалист Пьер Шардо в своём эссе «Экспансивный индивидуализм», где он прекрасно объяснял необходимость «экспансии» индивидуализма – расширения влияния воли индивидуалистов на внешний окружающий мир, в то время как замыкание лишь на духовно-созерцательных практиках приведёт к угасанию личности и её ослаблению [21].

Следовательно, социализм и индивидуализм – взаимно дополняют друг друга, гармонично сосуществуют друг с другом и необходимы друг другу. Однако, тем не менее, индивидуализм сохраняет более весомую роль как начальной искры самостоятельного освобождения – огня, который затем должен переброситься и освободить уже большие масштабы социального бытия.

определяется особым психологическим складом, темпераментом, умениями или мировоззрением самой личности.

Подлинное самоуправляемое общество возможно лишь благодаря тому, что, по крайней мере, большинство этого общества будут составлять личности, способные к самоуправлению. Человек становится способным к самоуправлению тогда, когда он, в соответствии с философией индивидуализма, проходит этап «индивидуализации», то есть становится, как бы выразился Штирнер, «эгоистом» или «собственником». Эгоист – это человек, приверженный самому себе, то есть самопринадлежный человек. Что такое «самопринадлежность»? Самопринадлежность – это фундаментальный концепт индивидуалистической философии, о чём писал анархо-индивидуалист Ан Ринер: «Под “индивидуализмом” я подразумеваю моральное учение, которое не опирается ни на догмы, ни на традиции, ни на внешние детерминирующие факторы, а апеллирует исключительно к индивидуальному сознанию и совести» [11]. Сама самопринадлежность означает способность личности самостоятельно созидать свои ценности (автономный аксиогенезис) и определять всё то, что формирует личность и составляет её микрокосм – её волю, мировоззрение, поступки, суждения, выбор, чувства и решения вне зависимости от давления, навязывания или принуждения со стороны различных внешних сил (друзья, коллектив, семья, государство, капиталист и т.д.), но в соответствии со своими внутренними моральными убеждениями, знаниями, чувствами, жизненным опытом, сентиментами и совестью, ведь, как писал немецкий философ Рудольф Штайнер, тоже относивший себя определённое время (в ранний период своего творчества) к традиции анархо-индивидуализма: «Лишь человек, действующий без принуждения, вправе считать свои поступки действительно своими. Они [такие люди] свободны, когда следуют только самим себе; они

несвободны, когда подчиняются» [12]. Если угодно, самопринадлежность – это власть над самим собой; господство над самим собой – самообладание, о чём писал сам Штирнер: «Но, наперекор государству, я все яснее и яснее чувствую, что во мне есть еще великая сила – власть над самим собой (selbst), то есть над всем тем, что свойственно только мне и что существует только как присущее (eigen) мне» [13].

Когда личная самопринадлежность людей начинает воплощаться в более масштабных формах общественных отношений (во взаимоотношениях между людьми на производстве, школах, больницах, университетах, культурной жизни), тогда самопринадлежность приобретает общественный характер и становится тем, что анархисты называют «самоуправлением». Самопринадлежность, следовательно, является условием и фундаментом самоуправления. Только совокупность самопринадлежащих людей, которые духовно неотчуждены сами от себя, а также способны самостоятельно выносить свои суждения, невзирая на давление внешних надличностных сил (гетерономий), определять свою волю и поступки в соответствии со своими ценностями и совестью и нести ответственность за вовлечение своей субъектности в непосредственное преобразование и воздействие на различные аспекты бытия, могут построить настоящее самоуправляемое автономное общество, где будет значительно минимизировано отчуждение и упразднено господство человека над человеком. Анархо-индивидуализм, или же просто индивидуализм (ведь, как писал Манюэль Девальд: «Но, если упрощать и говорить в целом, то есть только просто индивидуализм, который, в сущности, является либертарным – анархическим» [14]), как и социализм, выступает за упразднение господства человека над человеком и за создание таких социальных условий, при которых личность сможет разви-

ратического общества. В этом заключается великая сила индивидуализма, где эгоизм – одна из главных его концепций.

Таким образом, мы видим, что именно самопринадлежность, то есть индивидуализм, будучи воплощённой духовной и социальной практикой людей, является предпосылкой достижения главной цели социализма – уничтожение господства человека над человеком, о чём выше писал Иван Франко. Следовательно, индивидуализм – основа и отправная точка социализма. Социализм – логическое и необходимое продолжение индивидуализма. Одно без другого – неполноценно. Духовная революция личности, однажды свершившись, должна продолжить своё применение в более широких контекстах социальной жизни, поскольку личность не живёт в вакууме, а потому, если она хочет расширить однажды загоревшуюся в ней личную свободу, она должна использовать этот огонь не только, чтобы осветить свою личную жизнь, но и общественную. Чем больше свободы личность имеет в общественном плане, тем больше она имеет её и в личном. Однако именно личный уровень свободы является начальным пунктом расширения степени общественной свободы. Если личность не будет применять свою свободу в более широком общественном контексте, расширяя степень свободы там, то это общественное рано или поздно может задавить любую свободу личности, даже в её самых незначительных и «интимных» проявлениях, а потому борьба за социализм – это необходимая борьба личности за расширение своей личной свободы. Это прекрасно понимал Бакунин: «В самом деле, я свободен лишь тогда, когда все человеческие существа, окружающие меня, мужчины и женщины, равно свободны. Свобода других не только не является ограничением или отрицанием моей свободы, но, напротив, есть необходимое условие и утверждение ее. Я становлюсь истинно

будет выплавлен человек завтрашнего дня» [18]. Совершив внутреннюю духовную революцию и перейдя на новую аксиологическую парадигму, «новый человек» – самопринадлежащая личность и другие такие же, стремящиеся быть самопринадлежащими, должны составить основу социалистического общества. Такие люди, будучи приверженными себе и располагая личным достоинством, руководствуются только своими принципами, здравомыслием и благородным идеалом и не позволяют никому подчинить самого себя и при этом сами, будучи полными высшей добродетели, не стремятся поработать, а лишь помогать и учить других быть свободными и помогать другим в освобождении и становлении собой. Благодаря таким личностям, их достоинству и непрерывному упорству в самопринадлежности через духовно-социальную практику, уничтожится или будет существенно минимизировано отчуждение и господство человека над человеком, поскольку большинство отказывается подчиняться или быть подчинённым, вместо этого предпочитая добровольный союз равных между собой разных личностей и взаимность с солидарностью как основу кооперации по общим интересам. Как писал Штирнер: «Если прекратится покорность, то неминуемо уничтожится и господство» [19]. Такие личности, будучи приверженными своим идеалам и ценностям, стремятся следовать своим нравственным императивам и совести в любой ситуации, созидая постоянно такое социальное взаимодействие в разных сферах общественной жизни, в котором будут перманентно воплощаться и применяться эти ценности и идеалы, тем самым поддерживая жизнь нового общества на соответствующем этическом уровне и сохраняя верность революционным идеям. Эгоизм таких людей, то есть *приверженность себе, своей совести и своим принципам* в любой или почти любой момент жизни, таким образом, является условием функционирования ак-

вать свою уникальность. Осуждение угнетения и капиталистической эксплуатации у анархо-индивидуалистов мы, находим, например, в манифесте парижских индивидуалистов «Чего хотят индивидуалисты»: «Одним из наиболее распространённых представлений об индивидуалистах является убеждение о том, что они есть воплощение крайнего эгоизма и порочности, что они не думают ни о чём другом, кроме как о личной выгоде и удовольствии, и что они готовы уничтожить всё на свете ради достижения собственного благополучия. Такое убеждение не только далеко от истины, но и откровенно глупо. Если бы индивидуалисты действительно стремились к угнетению и эксплуатации своих товарищей, то они бы не стали призывать их восставать. Если индивидуалисты и вправду хотели этого, то разве пустые и высокопарные слова не лучше подошли бы для того, чтобы обеспечить себе их покорность? Когда мы говорим личности: будь самой собой, думай о себе, живи ради себя, не позволяй себя обманывать, грабить или убивать других, или же ради других, то мы, не намереваясь ни в коем случае ввести в заблуждение тех, кто слушает нас, хотим, наоборот, показать им те средства, с помощью которых они никогда и никому не позволят себя обмануть. Мы не желаем плясать под дудку тиранов, но и не хотим быть тиранами сами. Индивидуалист не хочет жить как скот в буржуазных странах: Франция и Германия – ничто для него. Он не желает тратить свои силы, обогащая буржуев. Буржуазия отвратна нам, этот наглый паразит и крупный собственник. Все диктатуры чужды нам!» [15]. В стремлении дать экономическую основу для развития личности, анархо-индивидуалисты (хотя и не все) поддержат Кропоткина: «Что коммунизм лучше всякой другой формы общежития может обеспечить экономическую свободу – ясно из того, что он лучше, чем всякая другая форма производства, может обеспечить каждому члену общества благо-

состояние и даже удовлетворение потребностей роскоши, требуя взамен не более четырех или пяти часов работы в день, вместо того чтобы требовать от него десять или девять или хотя бы даже восемь часов в день. Дать каждому досуг в течение десяти или одиннадцати часов из тех шестнадцати часов в сутки, которые представляют нашу сознательную жизнь (около восьми часов надо положить на сон), – уже значит расширить свободу личности настолько, что такого расширения человечество добивается как идеала, вот уже сколько тысяч лет. Раньше это было невозможно, так что всякое стремление к комфорту, богатству и прогрессу должно было быть исключено из коммунистического общества. Но в настоящее время, при наших могучих способах машинного производства, это вполне возможно. В коммунистическом обществе человек легко сможет иметь каждый день полных десять часов досуга и вместе с тем пользоваться благосостоянием. А такой досуг уже представляет освобождение от одной из самых тяжелых форм рабства, существующих теперь в буржуазном строе. Досуг сам по себе составляет громадное расширение личной свободы» [16]. Такую поддержку мы находим у либертарного индивидуалиста Оскара Уайльда: «Социализм, Коммунизм – называйте как угодно – благодаря превращению частной собственности в общественное достояние и выдвигению кооперации взамен конкуренции возвращает общество к нормальному виду, преобразуя во вполне здоровый организм и гарантируя материальное благополучие каждого. По сути говоря, он создает нормальную основу и нормальную среду для Жизни. Однако для наиболее полного развития Жизни на пути к наивысшему совершенству необходимо нечто большее. И это – Индивидуализм» [17].

Следовательно, в своих фундаментальных предпосылках (стремление к упразднению господства человека над

человеком и создание экономической основы для творческого развития личности) индивидуализм и социализм совпадают и гармонично сочетаются. Однако именно индивидуализм является предпосылкой социализма, а не наоборот, поскольку именно личность является той отправной точкой, которая, совершая внутри себя духовную революцию, становится на путь существования совсем по иному, отличному от господствующей «морали» буржуазно-авторитарного мира, ценностям и убеждениям, с помощью которых она начинает опосредовать свои отношения с другими людьми, создавая тем самым взаимодействие иного порядка. Это новое взаимодействие, базируясь на новых принципах, становится основой нового общества. Именно личность, преодолевшая в себе тлетворное влияние старого буржуазно-авторитарного мира, и, проведя переоценку ценностей и создав для себя новую парадигму ценностей, является главным условием создания нового, в этом случае акратического – социалистического, общества. Как писал анархо-индивидуалист Жерар де Лаказ-Дютье: «Революционер не стремится агрессивно навязать свои убеждения. Лишь к самому себе он применяет такое чрезмерное упорство с целью достигнуть собственного внутреннего преобразования и стать лучше. Именно в глубине его души наступает великий день (революция). Именно его душа – это бастион предрассудков, навязанных ему социальной средой, который он стремится уничтожить. Именно его собственная воля является тем, к чему он обращается за помощью в своём стремлении стать новым человеком. Эта внутренняя революция, представляющая собой самое прекрасное усилие, которое прилагает человек в своём стремлении к истине и справедливости, является по преимуществу полноценной революцией. Без неё немислим какой-либо прогресс. Она является предвестием великих социальных преобразований – тиглем, в котором